

«Я ЗНАЧУ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ТРАЧУ...»

ПРЕЖДЕ чем приступить к этим заметкам, я побывал на нескольких спектаклях в Московском театре юного зрителя, беседовал в антрактах с ребятами разных возрастов, с педагогами, приводившими группы школьников в порядке «коллективного просмотра» (потом у себя в классе они устраивают обсуждение спектаклей — отличная традиция!), и с несколькими родителями, пришедшими с детьми.

Еще раз убедился я в том, что магия театра решительно ничем не заменишь — ни телевидением, ни кинематографом.

Когда после одного из спектаклей мы встретились с народным артистом РСФСР В. К. Гореловым, я рассказал ему о беседах с его зрителями. Он, отдавший почти четверть века (большую часть своей жизни!) Театру юного зрителя, словно бы продолжая тему моих предыдущих бесед, спросил меня:

— А вам приходилось отвечать на такие вопросы: почему зритель в единственном числе не может смотреть спектакль, почему артист не в состоянии играть перед пустым залом? Им обидно нужна атмосфера взволнованного «храма искусства», им нужен воздух, насыщенный страстями, им, и зрителю, и актеру, нужно чувствовать дыхание друг друга. Живое общение, живые, трепетные нити соединяют их, сопереживание сближает их в такой мере, что зритель становится как бы соучастником действия, совершающегося на сцене. Вот в чем чудо театра!..

Как не понять Горелова. А ведь в театре для детей значение ска-

занного усиливается многократно. Детская непосредственность, чуткость, восприимчивость, доверчивость — какую высокую ответственность должен испытывать актер, выступающий перед юными зрителями! Один из педагогов, когда мы с ним говорили об игре Горелова, заметил: «Прошел проверку на прочность — выдержал натиск детской требовательности, заслужил доверие своего зрителя».

— **СВЫШЕ** десяти лет, — говорит Горелов, — я играл детей школьного возраста. «По долгу службы» изучал их психологию, стремился постичь их внутренний мир, тщательно изучал круг интересов ребят, их духовные запросы. В нашем театре создан образ Павлика Морозова, в пьесах «Суворовцы», «У нас экзамены» играл подросток... Далекое не все родители представляют себе, как рано начинает мыслить ребенок, как прочно усваивает многое из того, что его окружает, как незаметно его память фиксирует факты, события, явления. Не всегда он в состоянии анализировать их, обобщать, но откладывает в «копилку памяти» много фактов, что впоследствии с возрастом станет для него немаловажным жизненным ориентиром.

Наблюдения артиста очень интересны. Вспоминается когда-то прочитанное: Софья Андреевна спросила Льва Николаевича Толстого, чему следовало бы учить детей сначала — языкам или музыке; он ответил: «Прежде всего надо научить их быть людьми».

Роль искусства в формировании духовной сущности человека неопределима. Оно помогает ему развиваться в себе заложённые природой возможности, открывает ему все, что заключено в мире добра, учит творчески мыслить.

— Искусство помогает ребенку, — добавляет Владимир Константинович, — искать свое место в жизни, находить свое призвание. Я мог бы сослаться на собствен-

ный пример. Мальчишкой я мечтал стать моряком. В пятнадцать лет пошел на завод и стал рабочим. Участвовал в художественной самодеятельности. Меня увлекли литература, кино, театр, стал смотреть спектакли, концерты... Тянуло на сцену... Но о сценической карьере и не мечтал. Если бы меня не убедили, что я должен идти учиться в театральную студию, никогда бы сам не решился избрать этот путь. И все-таки, как видите, искусство покорило меня. Учителем моим был Андрей Гончаров, нынешний главный режиссер Театра имени Вл. Маяковского. Он пресек мои колебания — «будешь артистом».

А когда оказался в Московском театре юного зрителя и онунулся в непривычную, но такую волнующую атмосферу звонкой ребячьей жизни, пения, извая это благодарная аудитория и какую мы, актеры, берем на себя великую воспитательную миссию... И вот уже четверть века позади.

РЕПЕРТУАР В. К. Горелова многоплановый, ему приходится играть и Зайку-зазнайку для мальшья (сыграл четыреста спектаклей!), и рели героико-романтические (спектакль «Варшавский набат»), характерные («Звезда»), гротесковые («Тень») и многие другие. Хороший актер, создает ли он образы положительные или отрицательные, дает детской аудитории уроки морали и нравственности не потому, что он назидателен и поучителен. Учит правда его искусства, правда его жизни на сцене.

Владимир Константинович заключает наш разговор:

— Скажу словами поэта: «Я значу только то, что трачу». Большое счастье тратить себя для детей, для нашего будущего.

И. АДОВ.